

В этом году исполняется сто лет со времени образования Союза Советских Социалистических Республик. Страны, которой более нет на карте.

В эти трагические для нас дни мы вновь и вновь вспоминаем, с чего началось разрушение единого и мощного государства. С никем не останавливаемых припадков националистического бешенства. С образования так называемых “народных фронтов”. С подстрекательских речей московских политиков, именовавших себя “демократами”, проклинавших “империю” и жаждавших её разрушения. С потачек новым главарям “национальных движений”.

Мы начинаем публиковать материалы, посвящённые юбилею великого государства. На этих страницах мы представляем материал Валерия Сдобнякова, написанный в 1992 году.

ВАЛЕРИЙ СДОБНЯКОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ К МЕЧТЕ

На пороге ухода из СССР. К 30-летию великого крушения

1

Ахмед Габиров, бизнесмен из Бишкека, неоднократно и настойчиво приглашал меня на Иссык-куль. На все же расспросы об этом высокогорном озере отвечать отказывался.

— Сам увидишь. Рассказать невозможно. Вот когда приедешь, может, даже напишешь о нём. — И уже с улыбкой добавлял: — Меня вспомнишь.

В последний наш разговор по телефону, пользуясь сезоном отпусков, Ахмед опять мягко, но настойчиво пригласил на озеро:

— Тебе и детям надо отдохнуть, подышать горным воздухом. Попишешь в удовольствие. Где тебе может быть лучше?

И тогда, невзирая на предостережения друзей (от России далеко, в чужой стороне, беспокойно там), собрал семью (будет ли ещё возможность, представится ли в разваливающейся стране случай) и — в путь.

Скалы, серпантин дороги, шум реки из-под обрыва, опять скалы. Машина взлетает по извилистому шоссе всё выше и выше в горы. Что и говорить, шофёры здесь классные.

В горах что-то видишь ясно, отчётливо, что-то почти пропадает за лёгкой белёсой дымкой облаков, что-то разглядеть совсем невозможно, потому что уж слишком близко находишься от предмета своего любопытства. Но появившееся в тебе беспокойство ещё там, у подножия, не оставляет до конца дороги. И рождается в чувствах и памяти странная ассоциация с проживаемой нами жизнью.

Что же это за страна, что за империя, что за “тюрьма народов”, если вот уже который год её хотят разбить на куски, расчленив границами, а мы, люди, всё больше и больше тянемся друг к другу, и любая граница режет по живому с болью, кровью и страданием? Что же с нами происходит?

Морализировать не хочу, но и чужим себя почувствовать на окраинах бывшего СССР тоже никак не получается... Пока. Когда же впервые осознанно почувствовал я себя гражданином огромной великой страны?

Это было в самолёте над Атлантическим океаном. Мы уже подлетали к Канаде. Огромные ледяные воронки, как вулканические кратеры, заполняли поверхность океана в тысячах и тысячах метров под нами. Ослепительное солнце било в иллюминатор. Я читал урывками очерк Валентина Распутина “Сибирь без романтики”, а неуловимое, незнакомое чувство только начинало овладевать мной. Из-за этого беспокойства я и отрывался поочерёдно то от книги, то от созерцания поверхности океана.

Именно эти огромные ледяные воронки, торосы затем долгое время ассоциировались у меня с историей моей страны, с её трудным путём-испытанием, являясь для меня символом её истории.

Наверное, чтобы по достоинству оценить масштабы своей страны, нужно увидеть другие страны – малые. Такие, как Багамские острова, которые проплывают под крылом самолёта неровными, рваными очертаниями берега, сверкая жёлто-зелёными долгими отмелями, уходящими, словно длинные острые края-наросты чудной океанской раковины, которые затем я увижу во множестве на Кубе, в океанскую даль. Только тогда, наверное, пришло мне настоящее понимание величия страны, почти физическое ощущение тех просторов, на которых я живу.

Уже были произнесены слова “ускорение”, “перестройка”, “гласность”. Уже победоносно шёл по стране, как я прочитал в одной газете, “сухой закон”, объявленный всерьёз и надолго. Но страна, та, моя, казалась незыблемой твердыней, “единой и могучей”. И всем думалось, что и эти кампании скоро канут, оставшись в памяти народной своей несуразностью в виде анекдотов да в запоздалых смелых выступлениях отечественных юмористов.

И вдруг – ИМПЕРИЯ! Средоточие зла и ненависти. Тюрьма народов, которые всю свою историю, люто ненавидя друг друга, только и мечтали вырваться из-под ига России.

У меня такое впечатление, что этими страшными понятиями, этими бомбами, начинёнными ненавистью, шовинизмом и национализмом, мы играли, забавляясь, как малые несуразные дети. И произошло то, чего не произойти просто не могло. Пролилась кровь.

Нагорный Карабах, Сумгаит, бегство азербайджанцев из Армении. Я был в это время в Азербайджане. Свидетельствую – армяне жили в напряжении, ожидании, но в своих домах, квартирах, работали на прежних рабочих местах. А Баку, санатории вокруг него наполнялись беженцами. Газеты заклинали (они и сейчас у меня в архиве – азербайджанские): мы не хотим крови, Сумгаит – наш позор. Но Карабах наполняется оружием, его доставляют вертолётами из Армении. Заклинали центр решить вопрос с беженцами. Хотя бы помочь возвратить деньги с вкладов в Ереване. Тщетно!

Когда я через какое-то время вновь прилетел в Баку, это уже был другой город, другая республика. Народный Фронт на центральной площади города по вечерам под прожектора и зелёные с полумесяцем знамена накачивал толпу ненавистью. Мой спутник Латиф Алиев, до того сдержанный в национальных вопросах, хотя симпатий к своему народу, конечно же, не скрывал, сказал, когда уже ночью мы уходили с площади в гостиницу “Баку”: “Они только констатируют, что в Карабахе идёт война. Но ещё немного, и война начнётся везде, даже здесь, в Баку”. Его слова оказались пророческими. В Баку начались ответные погромы армян. Затем ввод войск, и в красавце городе загрохотали пулемёты. Бомба ненависти сработала.

В этом же году я видел взбудораженный, истеричный в националистическом угаре Тбилиси. Читал плакаты, от которых мороз бежал по коже: “Грузины, стыдитесь русских матерей”. И задавал себе единственный вопрос: неужели слова об империи и тюрьме народов были произнесены ради того, чтобы сыновья отреклись от тех, кто даровал им жизнь, вскормил своей грудью?!

Уже прогрохотали автоматные очереди в Сухуми и Ткварчели. И мои друзья выбирались с помощью нашего общего знакомого, Валеры Пипия, из-под

обстрела на грузовике. В этот август гостеприимный Сухуми встретил меня на вокзале патрулями в униформе с автоматами наперевес и овчарками у ног. Я впервые испытал, что такое комендантский час, когда не мог вырваться из гостиницы на вокзал в камеру хранения за лекарствами для заболевшей дочери. Она лежала в жару на гостиничной койке, жена, глотая слёзы, могла помочь ей только уговорами, а пробравшаяся к нам “скорая помощь”, кроме пожелания скорейшего выздоровления, больше помочь ничем не могла. У врача не было даже градусника. И тот же Валера Пипия “эвакуировал” нас на своих “Жигулях” в Гагры, пробираясь сквозь, впрочем, очень доброжелательные – ведь войны в стране только начинались, – но тщательно обыскивающие машину военные вооружённые посты. Вскоре Валеру арестуют за хранение огнестрельного оружия и за участие в обороне Абхазии. Но не сумею ничего доказать, после почти годичного предварительного заключения, без предъявления обвинения его выпустят, и мы вновь встретимся у меня в Нижнем Новгороде. И он всё так же будет много смеяться, шутить и без остатка говорить.

Так ещё один из доброжелательнейших, гостеприимнейших народов взялся за оружие.

В 1990 году осенью в Самарканде после чудесных куполов, высочайших стен и ярчайших красок, после богатейшего, заманивающего, уговаривающего тебя хоть что-нибудь купить базара я увидел в пригороде пустынные улицы. В брошенных домах когда-то жили турки-месхетинцы. И умный, доброжелательный узбек, руководитель одной из строительных организаций, доказывал, что кровь, война, раздробление страны никому не нужны. Не нужны узбекам. Но почему и как всё это происходит, он никак не может понять.

Этого никак не мог понять и Гиви Багателяя, когда зимой 1990 года мы сидели с ним в комнате на первом этаже его дома у телевизора. Шло голосование грузинского парламента о лишении Южной Осетии автономии – единогогласно! Гиви скорбно покачал головой и сказал: “Это начало войны”. А корреспондент центрального телевидения, раболепствуя и восхищаясь, уже брала интервью у батона (господина) Гамсахурдия. Пройдёт совсем немного времени, и точно так же, преданно заглядывая в глаза, она будет брать интервью у господина Шеварднадзе – только проспект Руставели, по которому я совсем недавно ходил, восхищаясь, около дома правительства, будет лежать в руинах, расстрелянный из пушек и танков. Но на радостном, подобоострастном настроении корреспондента это никак не отразится.

Мне вспомнился разговор в Алма-Ате с русской женщиной в марте 1991 года. Она и тогда никак не могла отойти от пережитого во время известных “мирных” выступлений казахской молодёжи, от виденных ею жестоких избиений русских, от бесконечных шествий по улицам толп разъярённых людей. Она в это время сидела у окна своей квартиры, смотрела на улицу и... один Бог знает, что пережила за это время. Про эти же дни, когда я был в городе Чу Джамбульской области, мне рассказал Джафар Алиев, азербайджанец. Они всей своей большой семьёй всё приготовили для того, чтобы, прихватив с собой только самое необходимое, бежать из испокон обжитых мест. Дом же был ими подготовлен к тому, чтобы его сжечь.

Нет больше сил писать об этом, вспоминать бесконечную вереницу человеческих страданий и боли. Но и молчать, спрятав узнанное, увиденное и пережитое где-то глубоко в памяти, в душе, не получается. Оно само врётся наружу. И как ни избегай этих тем, как ни оберегай себя от грязи политики, приходит время, и молчать становится невмозможу, потому что мне дороги люди, которых я знал и знаю или с которыми лишь однажды разговаривал в городском сквере, в чайхане, в машине. Мне не безразлична судьба той русской женщины из дождливой, холодной, ветреной Риги, что приютила на неделю нас с женой. Мы любовались старым городом, смотрели современную европейскую живопись, коротали вечера в барах и ресторанах, бродили по пустынному юрмальскому пляжу. Нам было хорошо, и мы, как никогда, любили друг друга. Но через неделю мы улетели, а она осталась одна дожидаться возвращения из тюрьмы своего единственного и любимого сына. Я с чувством тревоги вспоминаю трёх монашек с Иверской горы в Новом Афоне, единственных хранительниц православной часовенки с иконами Богородицы, Спасителя и последней молитвой Оптинских старцев в рамке. Несколько раз порывался я подняться на гору к развалинам древнего храма и побывать в сохранившейся

там маленькой часовенке, да мешали тому то плохая погода, то боли в ногах. Но, пересилив боль и лень, я поднялся вверх. Это восхождение было чудесным: ласковое тёплое солнце, густая зелень кипарисов и мандариновых деревьев, бледная голубизна листвы оливок, цветение роз, нависшие над землёй созревшие плоды хурмы, шуршание под ногами крупных пожухлых рыжих листьев, тропинка, вьющаяся серпантинном по крутому склону, – всё это рождало в сердце чувства беззаботные, созерцательные. Я утвердился в мысли, что посещение часовенки – декабрьская 1990 года туристическая прогулка. Не более того. Встретившиеся монашки подробно и доброжелательно объяснили мне запутанную дорогу к часовне. И вот цель моей прогулки. Колышет ветер дешёвенькие занавесочки. Пол в открытой с трёх сторон часовенке застелен чистым ковриком, а на единственной цельной стене висит икона Богородицы да стоит на столике другая, с образом Спасителя. Кругом всё чисто, опрятно, убрано с любовью. Потом мне рассказали, что всё это дело рук постречавшихся мне монашек.

Стоило мне подойти к часовенке, как случилось невероятное. У меня, праздно прогуливающегося и почти неверящего, сами собой подкосились ноги. Я упал на колени перед иконой Божьей Матери, из глаз моих потекли невольные слёзы, и я горячо, как мог, начал молиться. Я просил Господа укрепить меня духом, помочь. И чем дольше я молился, чем медленнее перепечитывал молитву Оптинских старцев, чем чаще повторял имя Господне – тем радостнее, светлее, чище становилось у меня на душе. Эти минуты по пережитому чувству были одними из самых ярких когда-либо пережитых мною до этого. Я ощутил почти физическое очищение души от скверны, увидел, как чёрная маслянистая грязь липко сползает с души. Объяснить это моё внутреннее видение я и теперь не могу. Но это было! Теперь в Абхазии полыхает война. На месте, где я два года назад приобрёл душевный покой и исцеление, рвутся снаряды, льётся кровь, растеклись океаном человеческая боль, горе, страдание, ненависть.

2

Что же это за империя, перебиваю я сам в себе бесконечную череду воспоминаний, если народы, вроде бы решившие избавиться от рабства и провозгласившие политическую и иную независимость, направляют своё оружие не против поработителей, а всё чаще друг против друга (против тех, с кем жили века вместе и неразлучно и, хотя они того или нет, с которыми дальше придётся жить), в слепой, неподдающейся логике ненависти: армяне против азербайджанцев и наоборот, грузины против абхазов, осетины против грузин, узбеки против турок-месхетинцев, казахи против русских и азербайджанцев...

Вся эта бессмыслица приобретает смысл только в одном случае – если осознать, что всё происходящее нужно десяткам политиков, решившим на человеческом горе, боли и крови прорваться к власти... над этими же пострадавшими людьми.

За три последних года моих многочисленных поездок по стране я не услышал ни одного мнения, подчёркиваю – ни одного, в пользу разъединения, суверенизации (или назовите, как вам больше нравится) республик и развала страны. А говорил я с бизнесменами и рабочими, руководителями предприятий и дехканами, пастухами, юристами и инженерами, журналистами. Потрясающее единодушие! Собственно, люди об этом и высказались на референдуме, результаты которого, когда они оказались неудобными, предпочли забыть и больше никогда не вспоминать. Так же, как и о щекотливой теме привилегий и о многом-многом другом.

Но я повторяю, мне не безразличны судьбы моих друзей в столицах почти всех “суверенных государств”, будь то Бишкек, Алма-Ата или Москва. Я напрямую, без лукавства и излишней дипломатии, задал этот вопрос Ахмеду Габиеву, когда мы ехали между двух гряд высоких гор по благодатной Чуйской долине. По краям шоссе росла пшеница, зрели арбузы, прогнулись под тяжестью плодов абрикосовые деревья, усыпанные красным бисером вишни притягивали к себе взгляд, а опустившиеся ветки яблонь, увешанные спелыми сочными яблоками, казались для нас делом обычным и не в диковинку. Вдоль реки Чу бродил упитанный, ленивый от жаркого солнца скот.

Дикие утки в озёрах у шоссе не снисходили до испуга от проносившихся мимо машин.

— О том, что сделаны первые правильные шаги, спорить нечего. Люди поверили, начали строиться, обживаться по-настоящему, открывать своё дело... Но ведь работать разрешили, а запретов нагородили больше, чем было. И потом, я, азербайджанец, на чужой земле работаю с оглядкой, зная, что в любой момент как инородец могу всё здесь потерять. Решили дать ход предпринимательству, но одновременно подняли национальный вопрос — это друг с другом не вяжется. Это что ж, для того чтобы мы все начали в полную силу работать, люди по всей стране должны переселиться каждый в свою республику? Абсурд! И территория должна быть одна, и валюта, и границы прозрачными. Пусть каждая республика ведёт своё хозяйство самостоятельно, без указки из Москвы. Но ведь для этого совсем не обязательно рушить страну, мучить людей.

Ахмед говорит спокойно, рассудительно. Таких людей невозможно не уважать за их уверенность в собственных силах. Общаться с ним — удовольствие. Ощущать его заботу, знать, что для него очень и очень многое возможно не ввиду, как мы привыкли говорить, блата, а потому, что он любого может заставить себя выслушать и убедить в своей правоте. Он даже с сыном говорит серьёзно, изредка подшучивая, но только так, чтобы это было понятно одним взрослым. И его Алекпер в свои семь лет очень серьёзно относится к своим обязанностям “мужчины”. Я своих дочерей оставлял под его покровительством безбоязненно. Для сына авторитет отца непререкаем, честь мужчины — высший критерий оценки собственной жизни. Я подумал о национальной черте характера и тут же вспомнил октябрь 1989 года и своё пребывание в Азербайджане.

Мы с Латифом Алиевым возвращались из поездки в азербайджанскую провинцию — городов Имишли и Масаллы. Дорога была долгой. Пролегала она вплотную вдоль иранской границы. От нейтральной полосы нас отделяло ограждение из колючей проволоки на обочине. И я видел проносившуюся за окном чужую землю, леса и луга. Мы немного притормозили, когда обгоняли караван верблюдов, несших небогатый скарб спустившихся с гор кочевников (разобранные юрты, мешки, казаны). Стада овец понуро брели вдоль дороги. К вечеру мы встретили ещё одну группу кочевников. Стояли собранные юрты, горели костры, возле которых сидели, закутавшись в тёплые халаты, люди. Дети скакали на лошадях, что-то весело крича и загоняя в стадо отбившихся овец. И подумалось тогда: что может лишить этих людей, непритязательных, с детства привыкших к трудностям и лишениям, к воле, свободы распоряжаться своей судьбой. Они её не выбирают, она им даруется с рождением...

А впереди уже маячил в ночной темноте залитый огнями Баку. Целый световой день мы были в дороге. Надёжная “шестёрка” не подвела.

Так было много переговорено за это время, столько впечатлений от увиденного пережито (от постов ограничения въезда в приграничную зону до огромных сайгачьих стад в степи, край которой сливался со светившимся вдалеке Каспийским морем), что мы с облегчением вздохнули и повеселели в предчувствии близкого отдыха. Но все улицы, ведущие к центру, оказались забиты автомобильными пробками. Шёл митинг.

Тогда я и вспомнил свой разговор с лидером Народного Фронта города Имишли в парке после очередного их то ли сбора, то ли митинга. Нас познакомил Латиф, пригласив его за наш столик в чайхане, где мы пили великолепно приготовленный душистый чай.

— Мы полностью отстранили райком от руководства районом. Все выполняют наши распоряжения. Мы же подчиняемся центральному республиканскому комитету. Мы хотим мира своей земле и своему народу. Никаких дискриминаций другим национальностям. Все, кто живёт в Азербайджане, должны быть защищены законом. О выходе из Союза вопрос не стоит.

Председатель, мужчина лет сорока, крепкий, уверенный в себе, с чрезвычайно серьёзным выражением на лице говорил — как отрубал.

— Ещё вопросы у вас есть? Тогда извините, я спешу. Меня ждут люди.

Мы попрощались, пожав друг другу руки. У него было крепкое, даже жёсткое рукопожатие. Именно тогда я осознал, что присутствую при зарождении новой власти в республике, очень привлекательной власти, поддерживаемой

большинством населения, в том числе и русскими. И то, что они придут к руководству в республике, – вопрос времени.

Латиф в наших разговорах Народному Фронту отдавал безоговорочное предпочтение в сравнении с действовавшей тогда властью коммунистов (вскоре он стал членом Народного Фронта), как и все, с кем мне удалось поговорить. Но увиденный в этот же вечер громадный митинг на площади при прожекторах и зелёных с полумесяцем знамёнах окончательно меня убедил, что без кровопролития и эта сила не обойдётся. И её не минует чаша сия.

Почти каждое выступление люди на площади встречали аплодисментами и криками одобрения. Кое-что Латиф мне переводил, но не всё. Что-то не договаривал. Толпа была настроена решительно, но на что?

До кровавых январских событий в Баку оставались считанные недели и не так уж много времени до выхода Азербайджана из СССР. Всего этого я ещё не знал, не считал Баку столицей чужого государства. Мы с Латифом ещё жили в одной стране, мучились общими для неё болями и, что можем потерять эту общую для нас страну, не думали. Мы мечтали о будущем, хорошем будущем.

3

Чуйская долина заканчивается у подножия гор. Чтобы ехать дальше, с подсказки Ахмеда моя младшая дочь Наташа троекратно произносит: “Сим-сим, откройся!” Река шумит у обочины. Повороты круты. Огромные валуны, бока которых закрашены люминесцентной краской и расцвечены полосами, вырастают на пути неожиданно и зловеще. Где-то намного выше нас крадётся в горах одноколённая железная дорога. Один коротенький состав из нескольких пассажирских вагонов, грязных и обшарпанных, с выбитыми стеклами, мы догоним у экологического поста при въезде в зону Иссык-куля. А пока я не понимаю, почему Ахмед почти тормозит, сбрасывая скорость до пяти километров в час. На мой вопросительный взгляд он кивает вперёд и произносит лишь два слова: “Красный мост”.

Так вот он где и какой...

Начинался сезон. Вот-вот с гор в долину должны были повезти опиум. Поэтому в узком горном ущелье, где в единой точке сходятся река, автомобильная и железная дороги, выставлен пост, на котором несут дежурство люди в комбинезонах защитного цвета, больше похожие на группу захвата, чем на подразделение ГАИ. Иначе, как здесь, вывезти опиум с гор негде. Занятие хоть и опасное, но прибыльное, и есть немало смельчаков, которые рискуют. Серьёзную войну опиуму объявили после известного постановления. Вертолёты начали прочёсывать горы. Некоторые поля находили, обливали бензином и поджигали. Но бизнес на наркотиках этим не остановили. С опиумом прорываются и по реке, и по шоссе, и по железной дороге. Идут на отчаянные шаги, тараня заграждения машинами, устраивая перестрелки, спуская зелье на замаскированных плотках по реке. Идти на подобный риск заставляет малый труд и несоизмеримо большие доходы. И эта граница, этот метров в пятнадцать-двадцать длиной мост над рекой от одного крутого склона горы к другому, находящийся почти всегда в тени этих гор, – тоже определённый символ. И человек в коротких кирзовых полусапогах и пятнистой униформе с тяжёлой кобурой на бедре. Он пристально, пока мы въезжали на мост, вглядывается в машину и... пропускает нас, не останавливая.

– Почему?

– Чутьё. К тому же мы ещё только поднимаемся. На обратном пути может остановиться.

Но, забегая вперёд, скажу, что и шестнадцать дней спустя нас, измученных долгой ночной дорогой, пропустят через мост беспрепятственно. И тогда, съехав с дороги на площадку возле пропускного пункта, мы остановимся отдохнуть под защитой людей в пятнистой униформе.

Шорох ветра за окном стихнет, мотор заглухнет. Жена, дочери, Ахмед будут спать, устроившись поудобнее на сиденьях, а я закурю сигарету и выйду в темноту. Грохот воды обвалом заберёт уши. И я, невольно влекомый неведомой силой, уйду к реке.

Узкой полосой из-за гор будет просвечивать беспокойный, ломающийся поток луны. В его свете это и не вода вовсе, а помятая, скомканная лента

слюды, не движущаяся, а будто натянутая и мнущаяся изнутри. Я заморожено буду смотреть на неё, мелко трясясь от холода. Оглядываясь, попытаюсь представить себя, одинокого, затерянного в этих тёмных и неприветливых горах, и невольный отголосок ужаса будет охватывать сердце, будто я уже испытывал это когда-то, пока взгляд не наткнётся на одиноко светящиеся в темноте окна будки.

Мы выезжаем на широкую асфальтированную площадь. Дорога, вырвавшись из гор, вливается в эту асфальтированную ширь и выливается из неё далеко впереди, за слагбаумом.

Огромная карта озера, будки ГАИ и экологического контроля. Невозмутимый лейтенант сидит за ученическим столом у проезда под слагбаумом, проверяя разрешения на въезд в зону озера. Разрешения покупаются здесь же по сто рублей за одну машину. Платим и благополучно проезжаем дальше. Успеваю подумать – было бы здорово, если бы вырученные деньги не расплылись, а шли в помощь озеру, уникальному во всех отношениях, включая чистую воду и воздух. Но, думаю, и проблем здесь тоже хватает. На придорожной карте дорога неровным эллипсом окаймляет всё озеро, по берегам которого несколько городов и крупных посёлков. А если есть дорога и живут люди – экологические проблемы обеспечены. Человечество об этом хорошо осведомлено, благодаря собственному горькому опыту. Мы тут не исключение, но и не хуже других, как упорно пытаются вдолбить нам в головы. Тема эта большая и болезненная.

Сейчас же в просветах между тополями, остроконечно возвышающимися вдоль дороги, замелькала близкая озёрная гладь, и я почувствовал, как замерло сердце в груди, ожидая близкой встречи.

4

Не успев отдохнуть после дороги и едва переодевшись, мы, подгоняемые хозяином яхт-клуба, уже рассаживались в каюте яхты. Хозяин отдавал последние распоряжения по службе, командовал приготовлением ужина и нашим размещением, следил за погрузкой на яхту бутылок с отменным чимкентским пивом. Низкорослый, полноватый, рыжеусый Юра, казалось, секунды не мог простоять спокойно, без дела. По своему темпераменту – полная противоположность Ахмеду. Они тем не менее в чём-то были и удивительно схожи. По национальности украинец (как он сам про себя говорит, “чистокровный хохол”), Юра по натуре оказался весельчаком и острословом. В народе у нас таких называют мужиками рисковыми. А он и есть такой. Взял в аренду на пятнадцать лет участок берега в пансионате вместе с яхт-клубом. Открыл множество дополнительных услуг, магазин, вагончики для приезжих, бар, готовится покупать небольшой корабль, чтобы переделать его под прогулочный катер высшего класса. Энергии и фантазии этому человеку не занимать. На фоне спокойной рассудительности, основательности Ахмеда, казалось, трудно найти между ними что-то общее. Но оно есть. Они оба любят делать, нет, не деньги, которые надо не делать – зарабатывать, а дело, именно от этого получая удовлетворение. Деньги же – это заслуженная награда за реализованное дело. Они оба хорошо и уверенно делают бизнес, в этом находя самоутверждение.

Но вот яхта отходит от пирса. Поставлен парус, и я поднимаюсь из каюты к капитану, который сидит у руля на корме и продолжает незло подшучивать над нами. Я сажусь рядом, достаём прохладное пиво, пьём. Я во все глаза смотрю и не могу наглядеться на озеро, или море, как тут его все называют. Голубизна воды, зелень берега, коричневые скалистые склоны непрерывной череды гор и белые, в снегу и облаках, их вершины создают фантастический по своей красоте, незабываемый пейзаж. Противоположного берега не видно, он теряется в лёгкой дымке, и только заснеженные вершины гор, которых опять же нескончаемая гряда тянется, пока может различить взгляд, указывают на далёкое его существование.

Делюсь своим восхищением с Юрой. Охотно согласившись, он запоем начинает рассказывать об озере. Да и кому, как не ему, по всей береговой линии исходившему озеро, рассказывать о нём. Не берусь судить, всё ли в его рассказах достоверно, может, что и приукрасил, приврал для впечатления, добавил художественного вымысла, не знаю. Но слушать его было в удовольствие.

Затем, когда я выходил в озеро на корабле “Меридиан” Главного управления картографии, его капитан подтвердил мне многое, о чём рассказывал Юра, неторопливо отхлёбывая из бутылки чимкентское пиво. И то, что у противоположного берега, южного, глубины почти сразу идут на двадцать метров — горы к озеру подходят вплотную, и даже такого малого пологого склона, как с нашей стороны, там нет. И что вода в озере действительно чистойшая и при удачном попадании солнечных лучей при безветрии можно просматривать дно на очень больших, до двадцати метров, глубинах. И то, что в озеро впадают около трёхсот рек и ни одной не вытекает. Живо и интересно рассказывал о существующих в озере естественных природных течениях, образующихся из-за большого количества на озерном дне разломов, каньонов, перепадов глубин, родников и источников. Здесь, со стороны Челпон-Аты, северного берега, глубины меньше, всего от двадцати до шестидесяти метров. Со стороны же Пржевальска прибор чертит пики, скалы, огромные перепады глубин. И если в среднем глубина держится в той стороне шестьсот метров, то картографы нашли участок в четыреста метров длиной, где глубина достигает 699 метров. Само же озеро расположено на высоте 1707 метров над уровнем моря. В общем, многое из рассказанного мне Юрой затем было подтверждено людьми компетентными, от науки. Но вот чему я никак не мог поверить, что на озере бывает погода, когда воздух достигает такой чистоты и прозрачности, что отлично виден противоположный берег, находящийся от нас в шестидесяти одном километре. Горы другого берега вдвое дальше — в ста двадцати. Но и в этом мне вскоре предстоит удостовериться самому, так меня уверили. А пока лёгкий ветерок, солнце, убелённые вершины гор и невероятного цвета чистой голубая вода, лучи солнца в которой, как направленный свет прожектора, уходят куда-то в неведомую глубь ровными полосами в ширину ладони, рождают в душе неопишуемый ребячий восторг. Я называю это чувство первобытным, доказывающим теснейшую связь человека с природой. Вернее, что он сам является одной из составных, одной из частиц природы.

Перегнувшись с кормы, я смотрю и смотрю на завораживающе струящуюся воду. Ветер вроде бы чуть тревожит паруса, а кажется, что яхта летит по воде, набирая огромную скорость. Я опускаю руку в забортную воду. Струясь прохладой, она ласкает мою ладонь, пальцы.

Здравствуй, мечта, здравствуй, казавшаяся несбыточной сказка. Я увидел тебя, окунулся в твои чистые воды, и как язычнику, выполнившему заклинание, мне теперь будет чуточку легче и светлее жить. Счастлив ли я от свершившегося? Не знаю. Мне светло и покойно на душе. Как хочется по возможности дольше сохранить в себе это чувство, волнующий трепет в сердце.

Струится мелкими пузырьками вода сквозь пальцы. Голубая вода — белыми пузырьками. И нет сил убрать руку, оторвать взгляд, отвернуть лицо от свежей прохлады, закрыть глаза от ярких солнечных бликов на воде. Нестерпимо хочется нырнуть за борт, вслед за солнечным лучом уйти, погрузиться в голубую глубину, колдовски манящую в себя, зазывающую. Каким спокойствием, умиротворением дышат эти воды, горы и медленно пробирающиеся меж ними облака, цепляясь неровными краями за склоны. Они медленно, брошенными комками плывут своим неведомым путём. И только высоко в белёсом небе вольно и неподвижно лёгкой дымкой раскинулись перистые облака.

Не хочется, но надо возвращаться к пирсу. Ахмед за наше отсутствие всё уладил с жильём и уже колдовал над углями привезённого специально и сожжённого здесь саксаула — дерева с удивительно плотно древесинной, тяжёлого. Мне впервые довелось держать в руках его узловатые, закрученные в канат серо-выбеленные сучья.

Ахмед вырвался из города ненадолго, торопился назад, но приготовление настоящего шашлыка из свежезабитого барашка перепоручить никому не захотел. Я от многих его друзей слышал, что в этом деле он непревзойдённый спец, и Ахмед это хотел доказать на деле.

Пока готовится ужин, нечаянно, исподволь в нашей беседе опять всплывает проклятый национальный вопрос. Юра храбрится, говорит, что его он мало волнует. Но затем уходит от стола под старыми плакучими ивами и возвращается, держа в руках пистолет, импортные наручники и на поводке — здоровенного лохматого чёрного пса.

— Это мои сдерживающие факторы. Конечно, национальные проблемы есть, но, я думаю, они разрешимы. Их необходимо решить, потому что и я,

и каждый другой будем защищать свои семьи до последнего. Мать жены родилась в Казахстане, с двадцати лет живём во Фрунзе. Её родители, поляк и украинка, переехали в Казахстан в незапамятные времена. Куда нам отсюда ехать, кто и где нас ждёт? А разговоры, что ты живёшь на нашей земле, тут мы хозяева, а ты должен на нас работать, были. Но, думаю, всё перемелется. Иначе...

Юра ушёл отнести пистолет и наручники, привязать пса, а за столом воцарилось на какое-то время тягостное молчание.

Вскоре Ахмед уехал. Затухли угли костра, убрали со стола. Капитан, отныне я только так буду называть Юру, ушёл к себе в вагончик в хорошем настроении и с обещанием в скором времени опять выйти на яхте в море. Жена ушла укладывать спать дочерей, порядком утомившихся дальней дорогой. Когда отправлялся сюда, многие сомнения одолевали... Как они доедут, как перенесут долгий перелёт и ещё более долгий путь на машине... Но волнения позади, дети успели искупаться, позагорать и остались довольны. Они везде как дома, и попробуй им объяснить, что мы почти за границей, а дядя Ахмед, капитан, их дети – сплошь иностранцы.

Я один. Смотрю на постепенно темнеющие горы. Ещё немного, и солнце провалится за вершины. В горах, по распадкам и ущельям заляжет непроглядная густая тень. Но вершины ещё горят в ореоле розового заката, который долго будет высвечивать их на фоне померкшего низкого серого неба. И когда звёзды усыпят его, “ковш” Медведицы окажется так низко над горами, что, кажется, заберись на них, протяни руку и достанешь его. Далёкий закат ещё долго будет напоминать о себе пробивающимся над горами бледным оранжевым светом.

5

Уезжая, Ахмед пожелал мне приятного отдыха и хорошей работы. И мне, действительно, становится неловко от собственного безделья, и я в перерывах между чтением книги “Великое в малом. Записки православного” Сергея Нилуса после нескольких дней отдыха начинаю набрасывать зарисовки, заметки об озере. Но невольно сбиваюсь на иную тему, пока не понимаю, что без решения этой другой темы не обойтись, от неё не спрятаться, подобно страусу, зарыв голову в песок.

Я пытаюсь писать об озере, находящемся где, в какой стране? Да и сам я где сейчас нахожусь – дома, в собственной стране? И все эти дорогие моему сердцу люди – кто? Мои сограждане? И не случится ли, что в одно время всех их я могу потерять? (Пока писались эти заметки, Грузия закрыла границу Абхазии и начала там кровопролитие.) И вообще, все мои воспоминания, что вот уж сколько времени бередят душу, – это дань “имперскому мышлению”? Чувств несусветная! Глупость! Да, никто не может народу приказать жить так, как он того не желает. Но почему нам нельзя жить, как и прежде, вместе, не убивая и не ненавидя друг друга? Да мы, собственно, и живём все вместе, так и не уразумев, что всех нас уже поделили, разъединили, прикрепили. Словом, распорядились нашей судьбой по своему усмотрению. На фоне этих мыслей как-то уж совсем некстати вспомнился мне октябрь 1990 года. По-особому уютный, усыпанный багряной и жёлтой листвой осенний Самарканд.

В небольшой уютной чайхане было в мерулюдно. Мы с моим собеседником, руководителем крупной строительной организации, с удовольствием пили ароматный чай, наслаждаясь особым осенним покоем, умиротворением в природе, и вспоминали вчерашнюю поездку к Регистану, синеву и округлость куполов, высоту и неприступность стен. В это время, слегка погромыхивая, прокатилась арба, которую вёз трусивший по краю дороги ослик. На спине ослика восседал маленький, толстенький до округлости мужичок в тубетейке и разноцветном полосатом халате, подпоясанном платком. Было такое впечатление, что и торба с осликом, и мужичок в халате только что сошли с иллюстрации к какой-нибудь древней восточной сказке. Я поделился впечатлением со своим собеседником. На что тот заметил:

– Если разделится Союз, то не знаю, как Россия, а уж Узбекистан с голуду не помрёт.

– Почему?

— У нас сильны традиции в сельском хозяйстве. Земля не брошена. Вековые традиции и быта, и труда сохранены, хотя не дай Аллах этому случиться. Кому нужен развал страны — понять не могу. Рушатся все хозяйственные связи, несём огромные убытки. Начались перебои с горючим, лесом. Травят народы друг против друга. Почитаешь газеты — все друг с другом воюют, ненавидят. А приедешь на место, люди, как и прежде, доброжелательны, трудятся, и нет им дела до политической суеты, некогда... Делят власть два десятка политиков, а пресса раздувает, будто народы в революцию кинулись, стравливает их друг с другом.

— Думаете, развалится Союз?

— Нет. Что же, все мы самоубийцы? Как бы ни было плохо, по отдельности будет ещё хуже. У нас в Узбекистане семья, род всегда ценились своей крепостью, сплочённостью. Если в семье разлад — плохая семья, погибнет, обнищает, по миру пойдёт. Крепкая семья — это всему роду поддержка. Свадьбы, похороны — всё вместе. Так и в стране. Разбежимся, плохо будет. Сам себе плохого кто хочет?

Мне тогда от этих слов стало спокойней на душе. А меньше чем через год Узбекистан провозгласил себя суверенным государством.

6

Меня предупредили, что на Иссык-куле погода переменчива, но чтобы настолько... Мы ещё лежим на пляже и солнце, будто раскалённым утюгом прижигает наши плечи и спины, а из-за гор уже зловеще, без всяких ветреных и иных предупреждений наползает чёрная туча. Она клубится. Перевалила через горы, вмиг почерневшие, потерявшие рельефность и лишь вычерчивающие контуры вершинами и перевалами, в небе начинает предупреждающе долго и раскатисто гроыхать. И вот уже нет солнца, сумерки накрыли Иссык-куль. Но дождь не начинался ещё долго, и мы успели собраться и укрыться под крышею.

Гладь озера спокойна, только потеряла цвет, а там, куда ещё доставали лучи солнца в просветах тучи, поменяла его на бледно-зелёный.

Дождь прошёл скоро, без ветра и оказался довольно мелким, невзрачным. Но тучи ещё какое-то время висели над озером, нехотя уползали за хребты гор. И тогда я увидел очередное чудо Иссык-куля. В очищенный просвет неба у противоположного от нас берега хлынуло солнце, осветив небольшой участок дальних гор так выпукло, так контрастно, а чистейший воздух, словно гигантское увеличительное стекло, так приблизил их, вечно далёкие, неясные, едва виднеющиеся за лёгкой дымкой, что мы, наблюдавшие всё это с балкона коттеджа, ахнув, впились глазами в открывшееся нам волшебство, не смея громко произнести слова, будто боясь испугать видение.

Горы от сверкавших седых вершин до хребтов, отрогов, предгорий, перемежая цвета от зелёного до буро-коричневого, сами излучали лёгкий, трепетный свет. Они сияли своим особым, пронзительным сиянием, высвечивая каждый выступ, холмик, ущелье, кусок торчащей, остро отточенной ветрами и непогодой скалы. Совершенно лишённые растительности — ни кустика, ни деревца, только зелёный бархат травы, покрывшей отроги и кое-где поднимающейся к перевалам, — они тем не менее были прекрасными, живыми и какими-то очень добрыми. Горы — и добрые. Но, как ни странно, именно такая ассоциация пришла в голову троим из четверых. И не я первым произнёс её вслух.

Так вот из чего состоит это чудо под названием Иссык-куль! Вечное чудо на вечной земле Киргизии.

Я хватаю фотокамеру и жадно, кадр за кадром, снимаю озеро и горы. Особенно горы. Но чувствую, что ничего не получается, что-то неуловимое, главное ускользает из кадра. Солнце, поминутно изменяя их очертания, играет горами, словно каждые десять минут перерисовывая их заново, создавая всё новые и новые, неповторимые по своей красоте и объёмности пейзажи. Новые мазки к пейзажам добавляют проплывающие облака и их тени на склонах. Временами облака густеют, закрывают плотным белым туманом вершины гор, словно ровно обрезая их сверху. Горы от этого темнеют, становятся низкими и ровными, непривлекательными.

Торопясь, мы опять выходим на берег, берём у капитана лодку и уплываем на ней далеко в озеро так, что прибрежный песок виднеется малой, чуть заметной полоской. С кормы бросаюсь в голубую воду, манящую солнцем и прохладой.

Вода брызжет, вскипает в глубине мелкими пузырьками, устремляющимися к поверхности. Выныриваю, оборачиваюсь и вижу склонённые над бортом лодки сияющие, восторженные личики дочерей. Опять разворачиваюсь и уже не останавливаясь плыву как можно дальше.

Лодка осталась далеко позади, вокруг водный простор, вольный, безбрежный. Мне хочется кричать от восторга, бить руками по воде и плыть, плыть, плыть, пока хватает сил, пока чистейшая голубая вода, накатываясь встречной волной, упруго ударяет в плечи, скатывается по спине.

С лодки начинают кричать, смеяться, звать назад. Слышу беспокойные голоса дочерей. Они немного напуганы, и я возвращаюсь. Уцепившись за борт, обхватываю младшую и окунаю её в воду. Проситесь в воду и старшая, но напуганная жена не разрешает. Пора возвращаться...

Плеща водой, залезаю в лодку. Солнце близко к тому, чтобы провалиться за горы. Лёгким ознобным холодком начинает веять с востока, и, чтобы согреться, я с усилием начинаю грести к далёкому берегу. В лодке же возбуждённый гомон незаметно стихает, уступая место молчаливому, завораживающему созерцанию чуда.

За время пребывания на Иссык-куле я много раз наблюдал закат. Я видел его с палубы большого корабля, с борта яхты, с берега далеко от воды. И всегда он был по-своему замечателен и неповторим. Когда погода пасмурна и множество облаков виснет на вершинах гор, забивается в ущелья, прилепляется к покатым, пологим склонам, — закат просвечивает слабым бледно-оранжевым сиянием, пробиваясь у самой вершины, размывая её, очерчивая, как бы слегка набрасывая очертания будущего пейзажа. В эту пору он кроток и невзрачен.

Если облачность не столь густа, а у противоположного дальнего берега и совсем редка (это почему-то закономерно здесь), то закат, кроме долгого и контрастного вырисовывания ближних вершин, густым красным светом заливае склоны далёких гор. Белоснежные до нереальности вершины легко, невесомо парят в воздухе, почти потерявшись в облаках. Пытливый взгляд находит их по единственному отличию — первородному белому сиянию. Наверное, такого цвета были одежды на Спасителе нашем, впервые после восхождения явившемся пред своими учениками. Сами же склоны чудесной картинкой сияют над потемневшим уже озером, нежными полутонами переходя из зелёного цвета в коричневый, красный, жёлтый...

Но когда воздух прозрачен, как сейчас, а гладь озера безмятежно покойна, закат долго горит, медленно и нехотя угасая вольным оранжевым с желтизной сиянием, черня ближайшие горы и высвечивая вершины. Нежность и лёгкость красок неземная, никогда ранее нами не виданная. Свет ровным, лишь у самых вершин густеющим сиянием, будто ореолом, горит, не уходя и не угасая в вышине, а как бы остановившись и ровно застыв на неведомой нам грани. От бледно-бледно-жёлтого, почти белого с добавлением синевы он плавно переходит, светлея, в легко-розовый с белизной и голубизной, а затем в синий-синий, который, всё густея почти до черноты, разливается по небу.

Мы причалили к берегу. Я втащил на песок лодку, отнёс вёсла. Уходя от озера, как с добрым знакомым, попрощался с ним до завтра.

7

На рынок в город Чолпон-Ата мы опоздали. Пока проехали по центральной улице в его поисках, любясь местным захолустьем, впрочем, не без претенциозного провинциального изыска, пока, по подсказке, за кинотеатром в котловане нашли торговые ряды, то, кроме пыли от подметаемого асфальта да бабки, торгующей яблоками невообразимой кислоты, больше ничего не увидели и не нашли. Пришлось несолоно хлебавши возвращаться назад. Встреча с местными ягодами и фруктами откладывалась, впрочем, очень ненадолго. В первом же посёлке по дороге нам предложили такое изобилие чёрной смородины, вишни, малины, яблок и абрикосов, к тому же по таким фантастически

низким ценам, что перед нами встала другая проблема: у кого купить, да так, чтобы остальных не обидеть.

Возвращаемся в пансионат. Вечер тёплый, уходить с улицы не хочется. Прогуливаемся вдоль большого фруктового сада, огороженного больше символически реденьким и низеньким заборчиком. Решаем познакомиться с хозяином и договориться о покупке абрикосов перед отъездом.

Несколько человек собирают жёлто-красные плоды, срывая их с отяжелевших, прогнувшихся до самой земли веток.

– Хороший урожай в этом году?

– Ничего, ничего, – серьёзно отвечает пожилой киргиз, не прекращая работы.

– Не продадите ведёрко?

– Пожалуйста, – с удовольствием отвечает он и, оставив работу, подходит к нам, – проходите, кушайте, набирайте, каких вам надо.

Мимо посадок картофеля и моркови в междурядьях спускаемся вместе с хозяином в ложбинку. Поломанные от тяжести плодов абрикосовые деревья, раскинув ещё зеленеющие ветки, лежат в низкой, недавно скошенной траве.

Знакомимся. Кудыралиев Кубанычбек, житель соседнего села Кара-Ой, арендатор. Весь огромный сад обрабатывают только члены семьи. Здесь же огород, пасутся коровы. Не вся территория сада обрабатывается, а только та, куда самотёком попадает вода с гор. Можно было бы сад рассадить и больше, насос для подачи воды из озера есть, но слишком дорога солярка и некуда девать урожай. Раньше забирал совхоз, отправлял по всему Союзу. Теперь всё нарушено. Если куда-то везти, выходит очень дорого. Да ещё и из республики вывезти проблема. Что будет дальше, Кубанычбек не знает, но сад не бросает, поддерживает его и мечтает дожить до лучших времён. Он помогает нам набрать абрикосов в ведро. Оно большое, десятилитровое. Изумительной красоты и свежести плоды, наваленные высокой горкой, уже не держатся, скатываются на землю. Мы уговариваем хозяина, что нам хватит, больше не надо, а он всё срывает и срывает абрикосы, укладывает их в наш целлофановый пакет, одновременно уговаривая моих дочерей: “Кушайте, пожалуйста, абрикосы”.

Фотографируемся на память. Сквозь объектив разглядываю загорелое, в частых крупных морщинах лицо, в этот момент чересчур напряжённое, торжественное. Прошу Кубанычбека снять кепку (она отбрасывает тень на глаза) и тут же об этом жалею – так виновато, суетливо он сдёрнул кепку с лысеющей головы.

Расплачиваемся, уговаривая хозяина взять к положенным ста рублям ещё хоть сколько-то, хоть пятнадцать рублей. Совестно брать почти бесплатно фрукты, выращенные с таким трудом.

Мы уже уходим из сада, поднимаясь на взгорок, а Кубанычбек всё протягивает в нашу сторону руки. В его грубых – сплошная мозоль – ладонях лежат горкой нежные, прохладные жёлто-розовые плоды. “Девочки, доченьки, покушайте абрикосов...”. Я понимаю, это для него почему-то важно, и посылаю младшую взять абрикосы, взять плоды из взрастивших их рук.

Возвращаемся в коттедж и аккуратно, один к одному, раскладываем абрикосы на широком подоконнике. Комната наполняется неповторимым горьковато-сладким ароматом, приобретает весёлость от яркости плодов. Теперь я буду засыпать под дурманящий запах спелых абрикосов.

– Сезон, – объясняют мне знающие люди, заранее приехавшие сюда с ящиками и полиэтиленовыми ведрами.

А я вспоминаю другой сезон – конец ноября и начало декабря 1990 года в Абхазии. Сезон сбора мандаринов. Вспоминаю вечнозелёные мандариновые сады, чьи невысокие округлые кроны, словно ослепительно-жёлтыми фонариками, увешаны созревшими плодами. Яркое солнце, цветение роз, на оголённых прутиках ветвей – бурые спелые шары хурмы, ласковое, тихое, хоть и холодное, Чёрное море. Все заботы, бесконечные разговоры, беспокойство, суета были связаны со сбором и реализацией мандаринов. Новоафонский переговорный пункт не знал покоя ни днём, ни ночью. Вёдрами и на развес, пакетами и поштучно мандарины продавали в кафе, на рынке, на остановке, пытались всучить разомлевшим от жары туристам у входа в знаменитые Новоафонские пещеры и по дороге в Новоафонский монастырь – одну из бывших твердынь Русского Православия.

Я понимал: замкнулся ещё один из вечных кругов забот земледельца, труженика — урожай. По-хозяйски им распорядиться, получить максимальную выгоду от плодов труда своего — что же здесь зазорного? Но даже эти извечные заботы не могли отвлечь людей от жизни политической. Пугала нестабильность. В ответ на приказ главы Грузинской Церкви о занесении в специальную книгу для вечного проклятия всякого, кто убьёт грузина, как бы сам он в этом ни был повинен, даже если его убили, обороняясь от него же, матери абхазки в газете “Абхазия” напечатали ответное открытое письмо, где спрашивали: “Значит, безнаказанно можно убивать только абхазцев? Где же ваше христианское человеколюбие? Где заповедь?” Вскоре недалеко от Нового Афона, около Гудауты, толпа остановила машины сопровождения главы Церкви, где оказались вооружённые автоматами люди. И опять по абхазскому телевидению зазвучали вопросы — зачем главе нужны вооружённые бандиты, присутствие которых там был вынужден засвидетельствовать даже министр внутренних дел Грузии? На всё это грузинская сторона отвечала высокомерно и несуразно. Наблюдать же националистическую истерию самого грузинского телевидения становилось невыносимо жутко.

Но наблюдал я за всем этим несколько отстранённо. До меня не доходило, что это происходит всего в нескольких километрах от того места, где я тогда находился.

В начале декабря сессия грузинского парламента принимает решение по Южной Осетии — о начале геноцида целого народа. Единственным, кто выступил с предложением ещё раз всё обдумать, был русский генерал. Его не слушали. Так на моих глазах было положено начало гражданской войны в Грузии, и очень мало оставалось времени до провозглашения государственного суверенитета.

Всё это я увидел по грузинскому телевидению в Гагре. Слепой Гиви, в отличие от зрячих грузинских политиков, прекрасно понимавший, что это начало войны, заметался по комнате в поисках припрятанной на чёрный день порции “плана”, от употребления которого вот уже который год как отрёкся.

— Ну, почему молчит Россия? Топливо, лес, продовольствие, машины — всё ввозят из России. И вас же как только не называют. А вы молчите. Разваливают страну, унижают малые народы и тут же говорят о правах человека.

Гиви метался по комнате, говорил много злого и для меня, русского, обидного, но что я мог возразить? Тогда я впервые подумал о стране, которую мы теряем, бросая в кровь братоубийственной войны.

Ещё не было войны в Таджикистане, лишь тлел конфликт Приднестровья, старики и дети Цхинвали были живы, Карабах не перекинулся, подобно лесному пожару, на всю границу между республиками, дома в самой Гагре были целы и не разграблены, до этого оставалось полтора года. Может, предчувствуя это, Гиви и схватился, как за палочку-выручалочку, за припрятанную порцию наркотика. Тогда я осудил его за малодушие. Теперь... я не знаю, как бы поступил сам... Не знаю.

За окном непрерывно шёл мелкий нудный дождь. Зрелые мандарины тяжело и лениво шевелились от порывов ветра, чуть не касаясь стёкол окна, поблескивая каплями влаги на пористых оранжевых боках. Прибывший к дому щенок, поскуливая, сжался комочком под навесом. Это тоже абхазская зима. Но завтра выглянет солнце, всё подсушит, обогреет. Завтра мы с Гиви, взяв в руки садовые ножницы, начнём сбор мандаринов. Но что-то в этот вечер невозвратно изменилось.

Уезжая из Абхазии, около Леселидзе, на границе с Краснодарским краем, я проехал выстроенный Грузией мощный таможенный пункт. Гиви сказал, что Абхазия его перенесёт отсюда на границу с самой Грузией, а не с Россией. Я почему-то поверил.

Таким сезон сбора урожая был в 1990 году. Сейчас, в августе 1992-го, в Киргизии он радостный и спокойный. Дай Бог, чтобы он таким был всегда. Дай Бог мирного неба и хорошего урожая тебе, Иссык-куль.

Послесловие

Так чего же мы лишаемся, какую страну теряем, думал я долгой обратной дорогой до Бишкека. Куда приведёт нас очередной изгиб гигантской воронки, и кто наблюдает за этими изгибами, за нашим путём? Ведь не в хаосе

и случайности мы появились на свет, живём в нём и умираем каждый в свой срок. А как мне отказаться от памяти, от пережитого в Латвии, Грузии, Абхазии, Узбекистане, Казахстане, Киргизии?.. Какими доводами и разговорами о благе оправдать пролитую человеческую кровь, страдания детей и стариков? Как выбросить всё это из памяти, отречься? Тут я опять вспомнил иверских монашек. Не их ли молитвами и ещё подобных им мы не теряем что-то очень важное в жизни? Не их ли молитвы сдерживают нас от страшных, до конца не обдуманых шагов, перекраивающих всю нашу жизнь?

Машина несётся по ночному шоссе. Свет фар опять выхватывает из темноты изгиб реки, ветхую постройку, гранатами сверкают спелые вишни.

Мы опять закуриваем, уже сбившись, какая сигарета по счёту. Почти не разговариваем. И я опять, в который уже раз, задаю вопрос: “В чём спасение? Неужели страну, которую мы сейчас теряем (я говорю не о территории, а о стране людей), так и потеряем безвозвратно?.. Безысходность? Кому это нужно и почему нас всех так хотят поссорить?”

Я утомлённо закрываю глаза. Заснуть. Как хочется заснуть. Ахмед предупредительно выключает магнитофон. В наступившей тишине я вдруг слышу голос, коверкающий акцентом русские слова: “Девочки, доченьки, ну кушайте, пожалуйста, абрикосы... Пожалуйста, кушайте...”. Я вижу протянутые руки старого киргиза и в них горку спелых, душистых, немного шершавых жёлтых плодов. Вижу улыбающееся старое обветренное и морщинистое лицо, подёрнутое тенью от кепки, и, проклиная себя за слабость, сглатываю подступивший к горлу ком.

Август 1992
Озеро Иссык-куль–Бишкек–
Алма-Ата–Нижний Новгород